

© 1996 г.

П. МОНСОН

ЛОДКА НА АЛЛЕЯХ ПАРКА: ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ

Объяснять общество

Стремление объяснять (в действительности его можно было бы даже назвать инстинктивным стремлением), вероятно, столь же старо, как и способность людей мыслить. Это связано с нашим восприятием и пониманием окружающего мира как *структурированной* действительности. Она состоит из различных элементов, из вещей и связей между ними, похожих и непохожих и при этом влияющих друг на друга. Долго обсуждался вопрос о том, какими свойствами обладает действительность сама по себе, проистекают ли сходства и различия из «собственной природы вещей», или это исключительно наш способ восприятия порождает их. Один из самых знаменитых философов, немец Иммануил Кант, категорически утверждал, что именно подход людей к пониманию бытия определяет структурированное видение его. «Не разум возникает после феномена, напротив, феномен возникает после разума», полагал он и называл это коперниканским переворотом в философии. Другие исходили из того, то люди всегда хотят понять, что такое действительность на самом деле, как она есть, поэтому нужно собирать как можно больше чувственных фактов, опираясь на которые можно построить систематическое знание об окружающем мире.

В течение долгого времени эта дискуссия касалась человеческих возможностей объяснения природы, но затем она вспыхнула и по вопросу о возможности познания общества и человека. Здесь, однако, возникла проблема, отсутствующая у исследователей, работающих в области естественных наук. Ведь природа существует вне исследователя, и факты, которые нужно понять, не зависят от теорий, имеющих на этот счет у ученого. Если выявляются расхождения во мнениях относительно верности и применимости какой-либо теории к конкретному факту, можно провести «решающий эксперимент», изучить результат и решить, какая теория применима в данном случае. Если в природе действительно существует объективный закон, с его помощью можно объяснить, например, *почему* планеты движутся по своим орбитам, *почему* яблоко упало на землю, *почему* шар, наполненный водородом, поднимается вверх — с помощью *одного* и *того же* закона гравитации. Идеальным было бы наличие минимума законов, которые максимально бы объясняли реальность.

Мироздание в таком случае выступает как гигантская машина, все части которой функционируют во взаимодействии по совершенно определенным законам. Когда пришло осознание этого, стали предприниматься попытки объяснить устройство Вселенной с помощью механики. В XVIII веке французский ученый Лаплас предположил, что если бы существовал бесконечный интеллект, знающий положение всех частиц в

определенный момент времени и законы, по которым эти частицы движутся, то этот интеллект мог бы предсказать будущее Вселенной. Многие считали, что он тождествен Богу; однако для большинства ученых Богом было то, что однажды запустило весь механизм мироздания. Но действительно ли человеческий мир был только частью этого механизма? Куда исчезает в таком случае божественная душа человека или его свободная воля, если он не был религиозен? Философы усиленно занимались этой проблемой, и постепенно перед ними обозначились два ответа на этот вопрос. Позднее эти два ответа переросли в целые направления, условно соответствующие «социологии моря» и «социологии парка».

Первый ответ гласил: если отказаться от постулата, что люди обладают свободой воли, то дискуссия о морали будет невозможна, вся политическая деятельность — бессмысленна, а люди никогда не будут нести ответственности за свои поступки. В таком случае человечество лишь подчинилось бы законам, которые даже не может осознать. Но если свободная воля существует, наука о людях и обществе должна в качестве отправного пункта рассматривать человека, его поступки и мотивы этих поступков. Поэтому исследователь, придерживающийся этого направления, никогда не мог бы высказаться «правильно» или «ошибочно», он только мог попытаться понять, почему люди поступают тем или иным образом. Внешние мотивы действий лежали вне сферы такой науки. Она могла говорить только о моделях и взаимосвязях, которые увидела в способах проживания людьми своей жизни, но никогда она не могла бы говорить о том, как им *следует* жить.

Во втором ответе могло в принципе заключаться согласие с тем, что человек обладает свободой воли; однако считалось, что данная проблема не представляет интереса для науки об обществе. Как *индивидуальное* существо, человек мог верить, что обладает свободой воли; как *общественное* существо, он «не определялся по данному параметру». Так как каждый человек живет в обществе (даже отшельник в пустыне представляет собой общество), он должен следовать заповедям и правилам общества. Эти правила не что иное, как *коллективное сознание*, управляющее поступками людей. Поэтому наука об обществе, вместо того чтобы избегать высказываний о морали, должна изучать именно ее. Ведь коллективная, общая мораль — это именно и есть то «общество», которое «нависает» над каждым человеком. Психология может заниматься индивидом; социология должна исследовать коллективные феномены.

При таком подходе к анализу общества мы должны будем, следовательно, изучать коллективную мораль. Она складывается из многих составляющих: существуют правила производственной жизни, политической деятельности, создания семьи, сохранения социального неравенства и т.п. Эти составляющие коллективного сознания не что иное, как социальные институты, которые проявляются в свою очередь в доминирующих образцах человеческих поступков. Поскольку предполагается, что люди следуют установленным в обществе правилам и заветам, при анализе институтов можно будет исключить рассмотрение отдельных личностей, абстрагироваться от них и от субъективных мотивов их действий и поступков. Исследователю общества полезно проследить, какие социальные институты имеют место, как они функционируют, а также как они влияют друг на друга. А проблема свободной воли, как уже говорилось, исключена из анализа общества, рассматриваемого как реальность в себе, независимая от отдельных личностей. Реальность подчиняется собственным законам, и социология должна увидеть эти законы и использовать для объяснения общества.

Общество не только находится «над» индивидом, оно также существует «вне» отдельного исследователя общества. Поэтому задача исследователя — добывать объективные данные об обществе и создавать теории общества без предвзятых мнений. Но каким образом следует получать эти «объективные данные», которые в сочетании с правильным научным подходом могут гарантировать объективность науки? Эти данные сплетаются в канву, состоящую из множества отдельных фактов и

обстоятельств. Единичный случай никогда не может сказать что-либо об «обществе», зато сумма отдельных фактов дает возможность обнаружить каркас общества. Это те образцы, порядки или структуры, которые исследователь должен попытаться найти и объяснить. Далеко не всегда представляется реальным получить полную картину отношений в обществе, но, чтобы иметь представление об общественных отношениях, можно сделать статистическую выборку, подобную тем, что используются при политических исследованиях общественного мнения. На сегодня имеется множество достоверных статистических данных, в том числе в Центральном статистическом бюро. Благодаря им существует возможность говорить о характерных особенностях экономической структуры, о развитии институтов семьи, о количестве детей, попадающих в государственные исправительные заведения, и т.п. За последние десятилетия в банках данных накопилось огромное количество фактов, с разных сторон отображающих жизнь общества. Проблема доступа исследователей к этим данным весьма актуальна сегодня, поскольку это способствовало бы прояснению картины социальных структур в сегодняшней Швеции. Однако проблема прав отдельного человека усложняет процесс «рассекречивания» этих данных, поскольку в действительности нельзя абстрагироваться от частного так, как это можно сделать в рамках научного исследования.

Понимание того, какой каркас составляет основу общества, еще не есть социология. Как общественная наука, она претендует также и на умение объяснить назначение социальных структур. Существует несколько методов объяснения, более или менее чистые типы истолкований. Наиболее употребительны следующие способы объяснения: каузальное (причинное) объяснение (из-за X возникает Y); функциональное объяснение (X способствует существованию и равновесию системы S: :s); диалектическое объяснение (X есть следствие событий или процессов, происходящих вследствие противоречия или конфликта между Y и Z); и, наконец, целевое (конечное) объяснение (некая личность P сделала Y, так как хочет добиться X). В структурной социологии первые три типа истолкований можно использовать без особых проблем, в то время как конечное истолкование, напротив, наиболее проблематично. Когда мы думаем об отдельных людях, мы часто принимаем как данность, что они совершают поступки и действия с определенными целями. Но может ли общественный институт или структура действовать во имя достижения чего-либо? Большинство исследователей в этом сомневается и полагает, что если конечное истолкование можно использовать в социологии, то лишь на уровне индивида, т.е. оно применимо лишь в отношении отдельных людей. «Понимающая» социология даже сделала конечное истолкование человеческих поступков своим доминирующим типом понимания. Это гораздо более удобно, когда хотят понять отдельного человека.

Но если нет возможности объяснить социальные структуры, институты или другие коллективные единицы (например, «класс») с целевой точки зрения, то как их следует в таком случае объяснять? Эмиль Дюркгейм в «Методических правилах социологии» дал прототипы «социологических объяснений», полагая, что «социальные факты» (т.е. коллективный «рисунок» общества) должны объясняться исключительно в причинной связи с другими социальными фактами или сообразно вкладу явления в существование общества. В своем исследовании проблемы самоубийства он предположил, что различия в частоте самоубийств могут быть объяснены, в частности, степенью социальной сплоченности представителей различных религий:

1. В каждой социальной группе частота самоубийств имеет обратную зависимость от степени социальной сплоченности.
2. Степень сплоченности находится в обратной зависимости от распространенности протестантизма.
3. Следовательно, частота самоубийств напрямую зависит от распространенности протестантизма.

4. В Испании протестантизм практически не распространен.

5. Вывод: частота самоубийств в Испании низка (что подтверждается статистикой).

Это хороший пример истолкования, в котором один социальный факт (распространенность протестантизма) используется для объяснения другого (частоты самоубийств). Таким образом, одни социальные факты могут объясняться другими социальными фактами, но никогда — индивидуальными побуждениями.

Функциональное объяснение, ранее других разработанное Толкоттом Парсонсом и его последователями, истолковывает общественный феномен или институт с точки зрения его предназначения для общества в целом. Хорошим примером этого является истолкование Дэвисом и Муром проблемы «социального неравенства». Поскольку социальное неравенство встречается во всех известных типах общества, считали авторы, оно должно иметь положительное предназначение, способствовать выживанию общества, хотя, вполне возможно, оно отрицательно сказывается на определенных социальных группах. В обществе имеются задачи различной степени сложности, рассуждали они, и с трудными задачами может справиться меньшее количество людей, а с простыми — большинство. Поэтому «общество» должно давать меньшинству, которое может справиться со сложными проблемами, большее вознаграждение, чем большинству, решающему простые задачи. Это является причиной более высокой зарплаты и более высокого социального статуса, например, у директора, чем у уборщицы. Социальное неравенство просто-напросто «целесообразно» для общества. Поэтому оно существует.

Наконец, диалектическое объяснение, связываемое в первую очередь с именем Карла Маркса и его последователей. Речь идет о восприятии истории и общественных отношений как наполненных конфликтами и противоречиями. Наиболее известное из них, конечно же, противоречие между «классами» общества, и в марковом анализе развития Франции в 1848—1852 гг. можно ясно увидеть, как он осуществляет такое истолкование, выдвигая на первый план борьбу между различными классами и классовыми фракциями французского общества. Идея Маркса (и марксистов) о неизбежной гибели буржуазного общества основывалась на том, что основное противоречие этого общества встроено в его структуру. Это противоречие никогда не сможет разрешиться в рамках данного общества. Поэтому капитализм неизбежно должен погибнуть.

Это противоречие проявляется, «демонстрирует себя» в большом количестве различных областей. Мы можем привести здесь такие примеры, как забастовки, система политических партий в странах Запада, войны; сюда же можно отнести и «научные споры». Пока общество расколото на классы, противоречия между ними будут объяснены любыми возникающими в обществе конфликтами.

Все эти типы объяснения — каузальный, функциональный и диалектический — используются в структурной социологии, иногда в качестве дополнения к другим, иногда смешиваясь с ними. Корректность применения этих методов важна в той степени, в какой социология должна использоваться в качестве науки, признанной объяснять социальную действительность. Если этот момент в объяснении отсутствует, социология снижается до уровня дескриптивной, описательной науки. Во всех упомянутых типах объяснений присутствует «объективность». Если объяснение «истинно», то совершенно несущественно, кто давал это истолкование. Та или иная ситуация имеет место в действительности, независимо от того, кто занимается ее изучением. Исследуемая реальность должна быть вне исследователя, или, говоря другими словами, исследователь не должен воздействовать на нее. Из отношений между исследователем и объектом исследования не должно возникать ни фактов, ни обобщающих законов. Исследователь должен их «обнаружить». При этом возникает серьезная проблема в том случае, если хотят подобным образом изучать общество как нечто «внешнее» по отношению к отдельному исследователю. Оно, конечно, находится, скорее всего, «вне», в том смысле, что «факты» независимы от исследователя; однако

последний, на свое счастье, зачастую является частью того общества, которое изучает, и свои понятия и мысли он получил в обществе. Он знает об этом и знает благодаря обществу. Многие подчеркивают важность «чистоты примеров», когда следует изучать общество «объективно», но в обществе представлены не только личные взгляды и оценки (о которых всегда можно сообщить в своих публикациях) — есть еще понятия, категории и «факты».

Тот, кто хочет изучать общество совершенно объективно, должен будет, говоря словами Маркса, «разделить общество на две части». Одна часть — люди, полностью подверженные воздействию общества, а другая — совершенно независимый от него исследователь. Общество уже существует у него в голове, когда он ставит задачу, оно имеется в собранных фактах, и оно есть в варианте решения задачи, который предлагается исследователем. Поэтому тот, кто хочет изучать общество объективно, должен, как ни парадоксально это звучит, изучать *общество, с которым он совершенно незнаком*. Функционалистская модель объяснения особенно часто применялась в исследованиях маленьких «примитивных» обществ в социальной антропологии. При этом открылись большие возможности взглянуть на «общество в целом» с открытыми глазами и непредвзято проанализировать, какие институты (или «обряды», как их часто называют) имеются в этом обществе. Смысл состоит в том, что люди, являющиеся частью общества, в принципе не понимают, что происходит у них перед носом. С этим довольно легко согласиться, когда речь идет о чужих культурах, но, когда функционалистское истолкование не соответствует общепринятым воззрениям на социальный феномен своего «родного» общества, это истолкование может выглядеть шокирующе. Когда, к примеру, Дюркгейм разъяснял, что явление «отклоняющегося поведения» в обществе имеет положительное предназначение, поскольку укрепляет социальные связи, это вызвало ужасный шум. Однако, как полагал Дюркгейм, чтобы общество сплотилось, чтобы возникло ощущение «наших», обязательно должны быть и «ваши», а в некоторых случаях еще и «вообще чужие». Если в обществе отсутствует некий процент лиц с «отклоняющимся поведением», общество позаботится о том, чтобы этот процент создать и даже воспроизвести ради собственного выживания. Аналогичным образом можно рассматривать систему социального обеспечения как институт, воспроизводящий «отверженных». Если бы вся пирамидальная структура этого института, от министра до отдельного районного чиновника, была нацелена на то, чтобы завоевать лавры «спасителей», и реально помогла бы всем подряд без ограничений, вся система социальной помощи рухнула бы. Это, конечно, не значит, что каждый социальный работник умышленно хочет, чтобы люди испытывали нужду, однако именно это вполне целесообразно для института в целом. Чужие страдания могут оказаться *мотивом*, побуждающим социальные службы к устранению социальной нужды, но это не входит в их функцию.

Проблема состоит в том, чтобы суметь «деиндивидуализировать» мышление, т.е. не впасть в истолкование общественных отношений, опираясь на индивидуалистские мотивации и точки зрения. Лучший способ — подняться на уровень абстракции, с которого жизнь конкретных людей оказывается достаточно далека. Если вы хотите различить доминирующие черты общества, вам необходимо подняться на такую высоту, чтобы люди казались маленькими точками в парке. Подобный подход к науке об обществе соответствует также фактическим процессам, происходящим в обществе со все более возрастающим количеством «управляющих единиц». Чтобы иметь возможность охватить взглядом их все, нужно абстрагироваться. Споры по поводу противопоставления «отдельного индивида» «обществу», столь ожесточенно ведущиеся сегодня, являются примером классической постановки проблемы в одном из разделов социологии. «Парковая социология» при этом изначально была связана со взглядом власти имущих «сверху вниз», потому что познание общества, предлагаемое социологией, должно применяться теми, кто находится у руля, для улучшения жизни общества. Дюркгейм полагал, что если бы социология не имела подобного предназначения, на занятие ею не стоило бы тратить ни одного дня.

Однако необходимо разъяснить еще кое-что, а именно — почему люди предпочитают идти по протоптанному обществом аллеям и тропинкам. Почему, напротив, многие идут, как им вздумается, ходят по газонам, вытаптывают клумбы, вырубают одни деревья и сажают другие. Эту проблему изучают теории социализации. Социализация означает «вхождение, вращение в общество», и теории эти рассматривают, каким образом дети становятся действующими винтиками в общественном механизме. Существует множество разнообразных теорий социализации, но чаще всего сторонники структурного социологического метода исходят из ролевой теории. Общество нужно представить в виде гигантской рыболовной сети, состоящей из ячеек — *социальных позиций*, — к примеру, различных профессий, задач, жизненных этапов и т.п. Эти позиции вначале совершенно не заполнены, пусты, как парк на рассвете. Затем сюда приходят люди; при этом выявляются определенные ожидания — как должны себя вести те, кто приближается к той или иной позиции. Сумма ожиданий, относящихся к социальной позиции, и есть социальная роль, которую человеку предназначено играть. С помощью сложной системы поощрений и наказаний маленький ребенок приспосабливается к социальным ожиданиям. Ожидается, что девочка будет вести себя иначе, чем мальчик, и ребенок разучивает свою половую роль. Аналогичным образом все люди должны приспосабливаться к социальным структурам в тех позициях, в которых они обосновались. Разучить эти роли — значит постичь общественную структуру и получить возможность вести себя «правильно» с точки зрения общества.

Однако возникает вопрос: разве мы, люди, не есть по своей сути нечто большее, чем просто сумма социальных позиций, на которые нас занесло? Очевидно, что каждый индивид неповторим и являет собой уникальную комбинацию социальных ролей. «Социальное отклонение» может в этом случае объясняться «недостаточной социализацией», и такое объяснение было доминирующим в течение долгого времени.

Если в жизни что-то происходит не так, причиной тому «дурное воспитание», и тюрьмы для несовершеннолетних абсолютно правильно называются «воспитательными заведениями». Более того, теперь в Швеции тюремное наказание именуется «присмотром» или «уходом» (так же, как и в домах престарелых и инвалидов), и цель его та же — приспособить детей к существованию в обществе. Однако если в функционалистской теории «отклоняющегося поведения» есть рациональное зерно, то институты, призванные корректировать поведение, на самом деле воспроизводят отклонения, и при этом возникает совершенно шизофреническая ситуация: вполне очевидно, что тюрьмы не столько «вновь приспособливают» к обществу людей, сколько делают их профессиональными преступниками.

Подобный портрет человечества, стремящегося лишь приспособиться к существующим парковым дорожкам, не имея возможности ни изменить их, ни проложить новые, наводит на размышления. Чего стоит политическая демократия, если риксдаг, политическое учреждение, официально управляющее шведским обществом, на самом деле всего лишь один из многих институтов, что в совместной игре с другими формирует действительность, в которой нам приходится жить? Вероятно, и политические партии можно считать общественными институтами — тогда нетрудно смоделировать ситуацию выборов, представив себе гуляющих по парку человечков: граждане Швеции, если хотят осуществить свое индивидуальное право на участие в политической жизни, могут во время выборов в риксдаг отдать свой голос одной из имеющихся у нас партий. «Протоптать новую дорожку в кустарнике», или попробовать создать новую партию, — задача не из легких в таком институционализированном институте, каким является шведская политическая система. Но такая система одновременно способствует поддержанию шведского общества в состоянии равновесия. Парк начинает приобретать сильное сходство с тюрьмой, где все мы одновременно и охранники, и заключенные. Можно ли найти выход из этой тюрьмы?

Я полагаю, что на этот вопрос уже ответил немецкий социолог Ральф Дарендорф. Человека, которого изучают социологи, говорит он, на самом деле не существует. Если мы выбрали достаточно высокую точку для обзора, то нам кажется, что этот человек всегда следует нормам и правилам, уставам и наставлениям, всегда приспосабливается к социальному контролю (ведь даже «отклоняющиеся» приспосабливаются!), он всегда поступает предсказуемо. Он, если можно так выразиться, желанное дитя множества изученных родителей. В действительности, однако, этот человек всего лишь абстрактная модель. Homo Sociologicus точно такая же, как и Homo Economicus — человек, имеющий доступ ко всем рыночным обстоятельствам и всегда поступающий разумно с экономической точки зрения. В жизни его не существует, говорит Дарендорф, он всего лишь тень живого человека.

Понимать общество

В начале 5-й главы мы говорили, что для изучения «чего-либо» необходимо прежде всего суметь это «что-то» *увидеть*. Социологическая традиция в буквальном смысле вся вытекает из своего научного притязания на подобное видение и полагает, что все объективное значение строится на возможности разума объективно понимать действительность.

Сегодня подобный подход не представляется настолько беспроблемным, как может показаться на первый взгляд. Что значит «увидеть нечто», если речь идет о человеке? Если окружающий мир воспринимается как непрерывный поток «объективных впечатлений», бессвязный и бессмысленный?

Нет, его понимают как мир уже структурированный, состоящий из *образов*, т.е. целое придает смысл и значение отдельным частям. Это означает, что всегда производится определенный отбор из всего потока впечатлений, получаемых человеком. Собственно говоря, никто не может утверждать, что видит действительность такой, какова она есть на самом деле. Она всегда рассматривается как *находящаяся* в определенном отношении к тому, кто ее рассматривает.

«Рассматривать» реальность поэтому означает непрерывно расшифровывать, объяснять ее, сознательно или бессознательно стремиться ее *понять*. Двойное значение слова «рассматривать» сохраняется в английском выражении «I see», которое означает и «я вижу», и «я понимаю». Это понимание не что иное, как способность человека выбирать: продолжать ли стремиться дальше или остановиться на достигнутом? Это часть человеческого экзистенциального отношения к миру.

Главный способ понять окружающий нас мир — это объяснить его. При этом подразумевается, что действительность, или, в некоторых случаях, часть ее, состоит из вещей, связанных друг с другом каузально или функционально. Но существует и другой способ понимания, основанный на уникальной возможности человека *внутренне* соотносить себя с какими-либо явлениями или предметами окружающего мира. Особый случай — когда соотносят себя с собой же, при этом приходится оперировать понятиями, не вытекающими непосредственно из «объективного наблюдения», и нужно стремиться понять их значение. Значит исследователь должен занимать активную позицию, создавать собственное понимание в себе самом. Таким образом, данный тип познания содержит в себе изрядную долю *субъективности*, даже если исследователь об этом не знает и считает мир вполне определенным, предполагая, что он всегда должен воздействовать на наблюдателя именно так.

Подобный взгляд на проблему приобретает особую важность, когда мы приступаем к изучению общества. То, что при более абстрактном подходе представлялось в виде объективной картины, теперь, на более низком уровне абстракции, может выглядеть как рисунок, созданный людьми и благодаря им *наполненный смыслом*. Изучить эту картину означает попытаться извлечь ее первоначальное содержание. Без понимания этих первичных значений невозможно понять человеческие действия и поступки, создающие социальный рисунок.

То, что люди действуют и обнаруживают при этом не только объективно обусловленное *поведение*, наверное, важнейший отправной пункт в искусстве понимания общества. Когда люди поступают тем или иным образом, в их «потоке поведения» зачастую присутствует символический смысл. Одно и то же действие, например приветствие при встрече, в различных культурах может выражаться совершенно разными поступками. Соответственно, представители различных культур могут выражать абсолютно разные понятия с помощью совершенно одинаковых жестов, и в некоторых случаях это приводит к веренице недоразумений при подобных встречах.

Интерес к «социальным фактам» сдвигается, в связи с этим, от «объективно объясняемого» к «субъективно понимаемому». Причем субъективность присутствует здесь двояким образом: частично — в самом исследователе, частично — в объектах, в людях, которых он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важнейшей методологической проблемой данного направления.

Весьма сложен вопрос об отношении субъективности к нашей собственной экзистенции. Французский философ XVII века Декарт утверждал, что осознание собственного существования является отправным пунктом всего познания. Для того чтобы обнаружить надежную основу процесса познания, Декарт решил подвергнуть сомнению абсолютно все; однако он нашел нечто, в чем не смог усомниться. Единственное, что не подлежит сомнению, полагал он, это то, что он *мыслил* даже если и сомневался при этом. Поэтому сам процесс мышления был равнозначен факту его существования. Он полагал, что его знаменитая формула «*Cogito ergo sum*» («мыслю, следовательно, существую») является исходным субъективным (пунктом) всей теории познания.

При этом, однако, он не решил вопрос о значении человеческого существования. Эта тема стала основой развития традиции экзистенциалистской философии, начиная с религиозного учения, основанного в XIX веке датским пастором Кьеркегором, и вплоть до современного атеистического французского экзистенциализма, важнейшим представителем которого был Сартр. Большая часть этой традиции является чисто философской, т.е. исследователи абстрагируются от общества как области анализа человеческой экзистенции. В сущности экзистенциализм может считаться гораздо более абстрактным, чем структурная социология. Тем не менее в сочетании с близкими по направленности философскими воззрениями он является основой учения о «социальном бытии», ставшего важной ветвью современной социологии, прежде всего в Европе. Исходный пункт этого направления — человеческая субъективность, а основная проблема — возникновение и сохранение человеческой *социальности*. Социальность, однако, не абстрактное понятие, находящееся над людьми или вне людей. Она существует в людях и между людьми. Социальность — это *разделенная* субъективность, это *интерсубъективный* феномен.

Понимание человека, таким образом, может осуществляться, по крайней мере, на трех уровнях. На первом из них можно попробовать «нанести на карту» условия и понятия человеческой экзистенции, не зависящие, собственно говоря, от общества. На следующем уровне можно попытаться понять конкретного человека и его поступки, рассматривая их в данном случае как осмысленную деятельность. Чтобы разобраться в человеческих поступках, необходимо уяснить, какие мотивы скрываются за ними. И только на третьем уровне можно предпринять попытку понять, каким образом некоторое количество человеческих экзистенций, суммируясь, создает социальный феномен, который действительно можно рассматривать как нечто «объективное». При этом нужно осмыслить, каким образом субъективность людей в процессе их деятельности становится объективной и создает «инерционное поле деятельности». Важно, однако, помнить, что и общество по своей сути также не является чем-то объективным. Основу его создают интерсубъективные договоренности между людьми, считающими социум (осознанно или неосознанно) «настоящим» только в силу своей

«природной предрасположенности». Поэтому слово «объективность» редко применяется в данном социологическом направлении. При изучении общества с подобных позиций чаще говорят об «интерсубъективных» феноменах.

Первые два уровня анализа вряд ли имеют отношение к кругу социологических проблем. Они скорее относятся к сфере философии или психологии. Третий же уровень, базирующийся на двух предшествующих, добавляет в рассматриваемые вопросы социальное измерение. Здесь редко можно найти отправной пункт для изучения индивида: анализируемая единица, «диада», как правило, включает в себя по меньшей мере две персоны. Можно сказать, что люди создают друг друга, что без «тебя» не существует «меня», а без интерсубъективности не будет объективности. Поэтому, с точки зрения социологии человеческого существования, интерсубъективное предшествует объективному. Аналогично не может быть исходным пунктом «общество» без «человека». Познание общества должно происходить через человека, а не познание человека через общество.

Каким же образом можно изучать общество как результат человеческой социальности? Здесь важно осознать, что данная традиция не стремится отыскать фундаментальные законы, описывающие функционирование общества или назначение социальной структуры. Вместо этого интересуются расшифровкой, истолкованием социального содержания, которое наполняет социальную структуру. Поэтому истолкование — это всегда взаимодействие того, что расшифровывается, с тем, кто это делает (в данном случае — с исследователем); для подобных толкований разработан ряд фундаментальных методов. В этих методах, представляющих собой способ связи (в широком смысле) исследователя с объектом, не менее важны новизна, оригинальность, богатство фантазии в толковании реальной жизни других людей, чем математический и статистический анализ большого количества данных. Социология здесь граничит не только с философией и психологией, но и с литературой и искусством.

В самой традиции заложено, что при знакомстве с проблемой можно действовать «ненаучно» и давать место «субъективному произволу». При этом, поскольку не принято верить в существование объективных методов и использование объективных законов, уместно, скорее, рассуждать о степени новизны, присущей данному истолкованию. Аналогичным образом в герменевтике (учении о толковании различных явлений и понятий; термин «герменевтика» восходит к имени Гермеса — вестника богов в греческой мифологии) описываются несколько правил, в соответствии с которыми должно строиться объяснение. Проследив за фактическим ходом процесса объяснения, можно заметить, что объяснение всегда основывается на тех или иных видах предварительного понимания объекта и всегда колеблется между пониманием целого и значениями частных (так называемый герменевтический круг; поскольку это колебание дает возможность нового знания, т.е. более углубленного понимания, его можно назвать герменевтической спиралью). Здесь уместно сравнение со складыванием картинки-головоломки, разрезанной на кусочки произвольной формы. Поначалу имеется множество изолированных фрагментов, форму и цвет которых мы пытаемся уяснить. Затем, когда общий рисунок головоломки начинает проясняться, становится понятным назначение фрагментов в связи с их местом в целой картине, и впоследствии, когда рисунок станет совершенно ясен, будет видно, где какой фрагмент должен находиться. Аналогичным образом можно сказать, что хорошее разъяснение чего-либо — это истолкование, которое может соединить множество отдельных деталей в понимаемое целое. Однако для общественного феномена зачастую существует более чем одно объяснение, и в таком случае, очевидно, истолкование должно затрагивать взаимосвязи большинства составляющих его элементов, чтобы можно было достичь более углубленного понимания данного феномена. Впрочем, не существует объективного критерия, по которому можно было бы оценить, какое из объяснений лучше.

Методы истолкования герменевтической социологии представляют интерес не только как «методические указания» для исследователя общества. Они демонстрируют, как фактически происходит процесс восприятия и понимания людьми феноменов окружающей действительности. Эта традиция, собственно говоря, не слишком строго отделяет «научное» от «ненаучного», ведь общество по своей сути — это нечто, чему дают определение сами люди. В своей знаменитой «теореме Томаса» американский социолог У.А. Томас сформулировал это следующим образом: «Если люди определяют какую-то ситуацию как реальную, она действительно становится реальной по своим последствиям». Поэтому, если ставится задача понять людей и их поступки, надо исходить из их собственных определений ситуации, выяснить, как они сами воспринимают окружающую их действительность. Социология не должна «являться в чужой монастырь со своим уставом», считать, что ее собственные понятия «правильнее», «истиннее», чем те, которые она изучает, т.е. «человеческие».

В данном направлении существует ряд теорий, описывающих, как люди соприкасаются с действительностью и определяют ее. В особенности это касается всеобщих определений. Без общих определений ситуаций была бы невозможной социальная действительность. В осознанной речи люди редко употребляют общие определения. Обычно используются, совершенно неосознанно, выражение лица, телодвижения и даже паузы в разговоре как выражение согласия или неодобрения в связи с предполагаемыми собеседником определениями. Определение даже общих ситуаций не всегда проходит безболезненно. Зачастую может возникнуть борьба за принятие того или иного определения. Поэтому данное направление рассматривает социальные институты как взаимодействие людей при условии, что заинтересованные стороны заранее признают определение ситуации. Отправиться к зубному врачу и при этом определить данную ситуацию как «флирт на танцах» иногда, возможно, и удастся, но гораздо чаще подобное «определение» может привести к полной неразберихе.

Подбор определений ситуации происходит чаще всего совершенно неосознанно. В социологии даже разработан особый метод — этнометодология, которая исходит из того, что социальная жизнь базируется на неосознанных правилах. Исследователь должен попытаться обнаружить эти невидимые правила, сознательно пойдя на их нарушение, но таким образом, чтобы «жертва» не была поставлена в известность об этом. Если при этом создается запутанная, неловкая ситуация, исследователь может быть уверен, что отыскал нечто стоящее. Когда осознаешь эту социальную сыгранность, общество предстает как сумма невидимых, неосознанных правил, причем участники социальной игры даже не нуждаются в знании основ этих правил. Однако — и вот тут-то зарыта собака — правила существуют лишь постольку, поскольку люди им следуют. Слишком частое нарушение правил приводит к тому, что они быстро прекращают свое существование.

Социология «понимания общества» выработала еще одну метафору социальной сыгранности людей: общество — огромный театр. «Весь мир — театр, и люди в нем — актеры». В этом театре есть и актеры, и зрители, сцена и гримерные, где участники готовятся к спектаклю. Во время разных встреч мы, люди, пытаемся произвести впечатление друга на друга, говорим о том, какие мы, что мы хотим сказать, как именно нас должны понимать другие. Чаще всего это происходит неосознанно. Мы также выбираем роли, которые предлагает нам «театр жизни», наряжаемся определенным образом, принимаем позы, учимся особым способам выражения и используем разнообразные атрибуты — все для того чтобы суметь произвести нужное впечатление на других. Эти роли, позы и т.п. суть «социальные типичные представления», т.е. символические обозначения intersубъективных договоренностей о способе поведения и т.п. Человеческая сыгранность проявляется здесь как одна большая символическая совместная акция, а «общество» — как ряд ситуаций. В этих ситуациях люди взаимодействуют, определяют социальные «типич-

ные представления», производят впечатление и объясняют себе себя и других. Социолог изучает при этом, как говорил американский исследователь Ирвин Гофман, «не только людей и их ситуации, но и ситуации и их людей».

Таковы некоторые способы, с помощью которых можно понять социальную сыгранность. Но откуда у людей появляется способность к разыгрыванию этого спектакля? Или, другими словами, как возникает человеческая социальность? Ответ на этот вопрос должна дать теория социализации человека. При этом нужно объяснить, почему люди так послушно следуют «по дорожкам общества-парка» или откуда у нас берется способность «управлять нашими лодками». Вероятно, наиболее разработанный ответ предлагает американский социальный психолог (наверное, можно его даже назвать социальным философом) Дж.Г. Мид в своей теории зарождения человеческого сознания. Согласно этой теории, сознание каждого ребенка вырастает в социальной взаимосвязи, из отношения ребенка к значимым для него людям (прежде всего к родителям). Ребенок учится социальным понятиям по реакции на его поведение родителей и других лиц, имеющих для него значение. Ограничившись только этим, можно было бы сравнить эту теорию с теорией, объясняющей, почему люди движутся именно по аллеям парка, но Мид рассматривает еще одну сторону проблемы: в процессе зарождения сознания развивается также субъективность ребенка. Сознание всегда амбивалентно: с одной стороны, это тот, кто размышляет, с другой — то, что является предметом размышления. Многие понятия ребенок воспринимает извне, но одновременно с этим процессом у него развивается способность к мышлению, к рефлексии. Поэтому, согласно данной теории, мышление каждого человека социально создано, но не социально детерминировано. К примеру, понятие человека о самом себе не только результат всего того, что о нем говорят другие, но и активная переработка самим человеком своих и чужих представлений о собственной персоне. Мышление — не только пассивное отражение чужих мыслей. Это активное действие по отношению к окружающему миру. Мышление по своей природе имеет направленный характер, оно выявляет самое себя, но при этом есть также способ связи с предметами и явлениями окружающего мира. Поступки каждого человека проистекают из этой направленности, и своей активностью он создает собственную неповторимую индивидуальность в отношениях с другими людьми. Социальность и индивидуальность — две стороны этого процесса, или, как выразился последователь Мида Кули: «Индивид и общество — всего лишь две стороны одной монеты».

Человеческое сознание, его возникновение, способ его функционирования и назначение занимают, как наверное легко заметить, ключевое место в данной социологической традиции. Именно в нем находится источник человеческой субъективности, что вынуждает представителей этого направления проводить множество анализов человеческого сознания, как чисто социологических, так и более философского плана. Установлено, между прочим, что человеческое сознание по своей природе *проективно*, оно направлено в будущее, которого пока не существует. Люди могут не только воссоздавать, *репродуцировать* то, что уже существует, но и создавать, *продуцировать* новое. Без проективной способности развитие человечества было бы невозможно. Разумеется, это вовсе не значит, что будущее, к которому люди стремятся, будет таким, каким оно проектировалось. Напротив, из всех жизненных «проектов» каждого конкретного человека осуществляется только относительно малое количество. Это связано, в частности, с тем, что, по выражению Сартра, «существуют другие, мешающие мне реализовать мою свободу». «Другие» имеют собственные планы и проекты, наши действия, таким образом, накладываются друг на друга, и в конечном итоге может получиться нечто непредсказуемое, не планировавшееся ни одним из конкретных людей. Сумма множества поступков дает непредвиденные последствия, которые, возможно, совершенно противоположны устремлениям отдельных людей.

Это указывает на важную проблему, исследуемую в данной традиции: индивидуальный смысл поступка или действия редко бывает идентичен его общественному значению. Индивид чаще всего не осознает, какой смысл приобретает его поступок в более широкой взаимосвязи. Макс Вебер, создатель «понимающей социологии», указал на это различие в своем знаменитом анализе взаимосвязи возникновения капитализма и кальвинистского течения в христианстве. Если капитализм существует как система, люди должны поступать «капиталистически». Почему это происходит?

Чтобы ответить на этот вопрос, Вебер создал «идеальные типы» (чистые мыслительные модели) «протестантской этики» и «капиталистического духа». При сравнении этих двух идеальных моделей Вебер обнаружил, что «капиталистические действия» (получение максимальной прибыли, капиталовложения вместо потребления и т.п.) для этих людей имели, собственно говоря, религиозное значение — как знак того, что человек избран Богом. Ранние капиталисты, таким образом, сами не осознавали, что создают новую экономическую систему — они просто действовали, исходя из своих религиозных убеждений. Вебер отнюдь не считал, что религия была причиной возникновения капитализма. Если бы Дюркгейм проанализировал связь между протестантизмом как социальным явлением и современным ему капитализмом, он, наверное, нашел бы, что это именно так и есть. Вебер же пытался понять этих людей, исходя из их собственного миропонимания, а не объяснять их поступки с точки зрения общественных «непредвиденных последствий». Макс Вебер полагал, что «капиталистические действия» касаются не только экономики. Они основываются на разумном, продуманном способе связи с бытием.

Подобный рациональный способ взаимоотношений стремится найти объективную связь между поставленной целью и доступными средствами. И Вебер, и его последователи в первую очередь подчеркивали, что современное общество все больше и больше руководствуется таким рациональным подходом к взаимодействию с окружающим миром. Мы думаем и действуем более рационально; все больше организаций и предприятий строится на основе рациональных, бюрократических правил; современная наука также базируется на таком рационалистическом взаимодействии. Все большее количество составляющих окружающей действительности делаются понимаемыми, вычисляемыми и предсказуемыми. Подобный ход развития приводит к «разочарованию» (расколдовыванию, демистификации) человеческого бытия. Это увеличивает интерес к иррациональным способам мышления (религия, астрология, восточная философия, космогония и т.п.), которые основываются на иной рациональности, нежели современная западная, «техническая», и данный процесс можно хорошо объяснить реакцией на подобное «разочарование».

Основополагающая проблема здесь состоит в том, что как бы глубоко ни разясняли нам окружающую действительность наука и рационалистическое мышление, они с трудом приближаются к важнейшим экзистенциальным вопросам о смысле жизни и смерти, о непреклонном ходе времени, о любви и ненависти и других «вненаучных проблемах». Однако, поскольку это соответствует природе человеческого мышления — продвигаться дальше «эмпирически незыблемых фактов», человек способен размышлять о неведомом и задавать вопросы, на которые, возможно, никогда не получит однозначного ответа. С социологической точки зрения можно все-таки заметить, что многие из наиболее стабильных социальных институтов занимают именно такими экзистенциальными проблемами. Самым ярким примером будет, конечно же, религия с ее институционализированными ритуалами для «экзистенциальных поворотных пунктов» — крещением, конфирмацией, венчанием и похоронами. Однако и многие современные явления, такие, как популярные «мыльные оперы», фильмы и шлягеры, тоже могут ставить подобные экзистенциальные проблемы, хотя и в легкомысленной упаковке. Таким образом, мы находим в обществе институционализированные ответы на извечные человеческие вопросы, ответы, которые продолжают существовать именно потому, что вопросы эти — вечные.